

БАЛТИЙСКИЙ ОРЛЕНОК

Ночью на Хорсене было тревожно. Финские батареи вели беспокойный огонь по заливу и по всем островам к западу от полуострова Ханко. В отряде уже знали, что произошло на Эльмхольме, и ждали приказа идти на помощь шестерым бойцам, закрепившимся на островке.

Алексей Гриденко в тревоге бродил возле командного пункта. Жомвзвода и политрук Гончаренко вышли от Гранина к рассвету. Гриденко пошел за ними.

— Товарищ политрук, — робко окликнул он политрука, — пойдём?

— Не терпится? — сухо сказал политрук. — Вот возьмем и оставим в резерве...

Гриденко заскочил в блиндаж за карабином и шерстяной вязаной шапочкой, котсрую он обычно надевал под бескозырку. В полном вооружении он сел на камне возле капонира взвода, где собрались уже все краснофлотцы. Он решил быть наготове.

Командиры отделений вполголоса спорили между собой: кого же лейтенант Фетисов решит оставить в резерве?

— В-вот увидите, — заикаясь, говорил Иван Петрович Щербановский, небрежно развалившийся на камнях, доброволец из запасников, — дело решит м-мое отделение. К-капитан Гранин так и сказал: п-поручить Ив-вану Щербановскому — и к-крышка!

— Брось травить, Иван Петрович, — насмешливо возразил командир другого отделения, Борис Бархатов, краснофлотец с умными озорными глазами. — Капитан этого не говсрил, и одно отделение в таком деле все равно не решает.

— Смотря к-какое отделение, — настаивал Щербановский, носивший такую же густую черную бородку, как капитан Гранин. — От-деление Щ-щербановского стоит роты; у м-меня один только Гриденко в-всех вас за пояс заткнет!

Гриденко в спор не вмешивался, обдумывая угрозу политрука: неужели и верно его оставят в резерве?

Связной принес от Гранина приказ выступать. Фетисов разделил бойцов взвода на три группы: одна — с командиром, в нее вошло и

отделение Бориса Бархатова; вторая — с политруком; Щербановский назначался в резерв.

— Шары! — браво произнес Щербановский. — Щ-щербановский остается для особого задания. Сынку! — окликнул он худенького краснофлотца Забавного, своего «адъютанта», следовавшего всюду за командиром. — За мной! — И важно удалился в капонию.

Гриденко нехотя побрел за командиром, но его остановил политрук: — Пойдете со мной.

На Эльмхольме в это время из шестерых бойцов, защищавших скалу, в живых остались двое. Финны смелее лезли в лощину, собираясь, видимо, захватить южную часть островка. Высадившись на островке, краснофлотцы залегли цепью от берега до берега, и лощина вновь стала непроходимой. Борис Бархатов со своим отделением проник за скалу, вперед. Гриденко обстреливал кустарник за лощиной, лежа на граните поблизости от политрука.

Гранин приказал оставить до вечера эту часть острова, чтобы отсюда, когда стемнеет, повести наступление. Капитан рассчитывал в течение дня подбросить подкрепление на катерах и шлюпках.

В полдень к Эльмхольму подошел катер с группой краснофлотцев. Он проскочил огневую завесу, но почему-то свернул несколько правее, в сторону берега, где находилась белофинская засада.

— Левее возьмите! Левее! Там засада! — кричал лейтенант Фетисов. Он не мог встать во весь рост: под скалой свистели пули.

На катере не слышали Фетисова и шли прежним курсом, — трудно было перекричать шум моря и боя.

Когда Фетисов вскочил во весь рост, по флотскому обычаю руками просемафорил, объясняя, где нужно пристать.

«Ясно видим!» ответили с катера и повернули к тому месту, где стоял Фетисов.

Командир радостно улыбнулся. И тут же упал.

Когда политрук подполз к командиру, тот уже не дышал. Рука была вольно откинута на камень, та рука, которой он подавал сигналы.

— Слушай мою команду! — крикнул политрук. — За командира остаюсь я. Заместителем назначаю Бориса Бархатова.

Настоящая дружба связывала Гончаренко с Фетисовым. Больно было политруку видеть, как погиб этот молодой, полный сил и энергии человек; но сейчас ему было не до переживаний.

Связь с Хорсеном оборвалась. Финны подтягивались к лощине для атаки.

— Гриденко, ко мне! — тихо сказал политрук.

— Я здесь! — откликнулся Гриденко, подтягиваясь ближе к Гончаренко.

— Плавать умеете?

— Да.

— Хорошо?

— Так я ж с торпедных катеров.

— Ныряете?

На островах Балтики действовали бесстрашные моряки-десантники части капитана Гранина. Они в шутку называли себя «дети капитана Гранина». Вот четверо из них на маленьком острове Хорсен, близ Ханко. В центре — Иван Петрович Щербановский, командир роты разведчиков, человек легендарной храбрости.

Фото В. Рудного

— С детства.

— Поручение опасное, могут убить.

— Вы же меня знаете, товарищ политрук.

Гончаренко знал, что этот молодой и горячий комсомолец не пропустил еще ни одной десантной операции, пристраиваясь к бою всеми правдами и неправдами.

— Волна большая. Надо плыть до Хорсена и сообщить капитану Гранину обстановку. Видите, как стреляют по заливу?

Гриденко уже расстегивал бушлат и раздевался.

— Снимите тельняшку, — сказал политрук: — лишняя нагрузка в воде.

Гриденко сложил одежду возле телефонного аппарата на скале. Из бушлата он достал комсомольский билет, вручил его политруку и пополз к заливу.

— погоди! Поди сюда.

Голос Гончаренко от волнения стал хриплым.

Гриденко обернулся.

Политрук притянул его к себе, обнял, крепко расцеловал и махнул рукой.

Юноша быстро пополз до воды. Волна за волной несли на берег

взбитую пену и мелкую хлесткую гальку. В заливе вздымались столбы смерча, брошенные к небу гремучими ударами снарядов.

Гриденко метнул вперед быстрый взгляд и прыгнул в воду.

Финны заметили его, когда он дошел до глубины и поплыл. С деревьев стреляли из автоматов, но Гриденко ничего не слышал. Он плыл, чувствуя, что по нему стреляют и за ним следят и свои и чужие.

С Эльмхольма краснофлотцы и политрук следили за пловцом. Борис Бархатов не мог видеть его из лощины. Но он приказал бойцам усилить обстрел деревьев, на которых засели финские автоматчики.

Гриденко отплывал все дальше и дальше. Лишь только он почувствовал, что за ним охотятся, он нырнул и долго не показывался на поверхности. Финны перенесли огонь вперед, но пловец вынырнул еще дальше.

Сильный накат прибоя и частые разрывы над заливом мешали политруку следить за пловцом. Редко мелькала на гребнях волн все удаляющаяся голова краснофлотца, и чем ближе подплывал он к Старкерну, тем труднее было его отыскать.

— Сиваш, — обратился политрук к сидевшему возле безмолвного телефона краснофлотцу, — дайте бинокль.

В бинокль политрук снова отыскивал Гриденко уже почти у острова Старкерн, который стоял на пути к Хорсену.

Гриденко вынырнул у отвесной скалы Старкерна. Стать на ноги нельзя — слишком глубоко. Уцепиться не за что. Рука скользила по мокрому граниту.

Гриденко вспомнил, что в этой скале немного левее должны быть трещины — недели две назад он пролежал на Старкерне восемнадцать часов без пищи и воды, скрываясь от высадившихся на остров финнов, и тогда изучил скалу.

Он собрал последние силы, отплыл в сторону и отыскивал трещину в граните. Он кое-как подтянулся на руках и вскарабкался на скалу.

Тут силы его оставили. Он упал.

«Убит, — дрогнуло сердце политрука, наблюдавшего за краснофлотцем в бинокль. — Погиб Гриденко».

Но Гриденко вскочил и побежал через Старкерн к противоположному берегу.

Старкерн от Хорсена отделял узкий пролив, куда уже не залетали пули и мины.

Обессиленный вылез Гриденко на берег Хорсена и, шатаясь, пошел по тропинке вверх мимо санчасти. Его окружили бойцы из отделения Щербановского. Они с тревогой спрашивали его, что случилось.

Но Гриденко лишь на минуту присел, перевел дух и, не отвечая на вопросы товарищей, побрел к командному пункту.

Перед Граниным стоял посиневший от холода высокий юноша в одних трусах, с ногами, израненными об острые камни.

На море и на суше одинаково отважно сражаются доблестные краснофлотцы. На снимке: десант моряков Краснознаменного Балтфлота высаживается на остров, занятый фашистами.

Капитан вытащил из-под койки сундучок, достал брюки, тельняшку и ботинки.

— Надевай. Ну, живо!

Капитан налил из своей фляги в «порционный стаканчик» спирта. Гриденко оделся, выпил, и ему стало сразу тепло.

Когда краснофлотец рассказал капитану о положении на Эльмхольме, Гранин послал на Старкерн сигнальщика, чтобы тот просемафорил Гончаренко приказ держаться во что бы то ни стало до вечера.

— Пивоваров! — позвал Гранин начальника штаба. — Направь на Эльмхольм телефониста на резиновой шлюпке, пусть восстановит связь.

Начштаба послал с катушкой смелого телефониста комсомольца Червонцева, а Гриденко вышел из капонира командного пункта.

Кружилась голова. Он пошел в блиндаж своего взвода, лег и уснул.

...Он проснулся, когда в амбразуру уже не падал свет. Кто-то рядом копошился в темноте.

— Товарищ командир, вы куда? — спросил Гриденко Щербановского, заряжавшего диск финского автомата.

— Ос-собое задание, — ответил командир отделения. — Не зря к-капитан держал нас в резерве. П-пойдем на Эльмхольм с тыла.

Гриденко вскочил с койки.

— Что же вы меня не будите?

— Лежи, лежи. Тебя капитан п-приказал не брать. «Пусть, — говорит, — отдыхает».

Гриденко выскочил из блиндажа и побежал к командному пункту.

...Несколько времени спустя я встретил Алексея Гриденко на полуострове, на Утином мысу, где лес почему-то меньше тронут снарядами, чем всюду на Ханко.

Надо преодолеть бурелом, обойти глубокую воронку от бомбы, перескочить через вырытые случайными снарядами ямы, и тогда попа-

дешь к палисаднику, за которым стоит белая двухэтажная дача с вывеской «Дом отдыха».

На этой даче встретил я балтийского краснофлотца — высокого худощавого юношу, как будто природой скроенного для флотской формы — до того ладно на нем она сидит.

Гриденко вышел из дачи, чуть прихрамывая, опираясь на толстую суковатую палку. После эльмхольмской операции он успел побывать еще в одном бою и подцепить шальную пулю.

— Вы были на Хорсене? — всполошился Гриденко. — Ну, как там, никуда не собираются? Про операцию на Подваландет ничего не слышали?

Я успокоил его, сказав, что на Хорсене, кроме небольших разведывательных вылазок, ничего не происходит.

— Сижу тут на сливках, — сказал Гриденко. — Золотое время проходит, могу все прозевать.

На другой день я поехал в артиллерийскую часть на восточном побережье. Там готовилась вылазка разведчиков на финские острова. За день у артиллеристов перебивало много народа. Мелькнул и Гриденко со своей палочкой. Я хотел его остановить, но он скрылся в блиндаже.

— Разве Гриденко тоже идет? — спросил я командира части капитана Кудряшева.

— Нет. Он в госпитале, ранен.

Я промолчал.

Когда стемнело, катеры вышли на остров Хестэ-Бюссэ.

В слабо освещенной сводчатой комнате старинного подземелья отдыхала группа Ивана Петровича Щербановского. Она состояла из краснофлотцев с Хорсена, но много тут было и средних командиров из добровольцев.

В ожидании сигнала все лежали на койках, одетые по-походному и вооруженные автоматами. Спалось неважно; некоторые тихо разговаривали. На одной из коек, уткнувшись лицом в подушку, лежал какой-то краснофлотец, видимо, силившийся уснуть.

В комнату вошел капитан Кудряшев. Он шел от койки к койке и вдруг остановился.

— Товарищ Филиппов, как вы сюда попали?

Худощавый молодой интендант с черной бородкой, обрамлявшей бледное лицо, вскочил с койки и вытянулся перед командиром.

— Так я же сменился с дежурства, — лепетал он, — я же давно вас просил, товарищ капитан, вы же обещали послать меня в операцию.

— Обещать — обещал, не спорю, но кто разрешил вам отправиться сегодня? — Кудряшев разговаривал с начпродом своей части сердито и строго, хотя, наверно, был доволен, что под его командованием находятся настоящие воины.

— Так вы уж разрешите, товарищ капитан, — умолял Филиппов.

— А кто вас берет с собой?

Филиппов молчал, не желая подводить Щербановского.

— Сознайся, начпрод, — подал со своей койки голос Щербановский. — С Ив-ваном Щербановским п-пожелал пойти в бой!

— Хорошо, — согласился Кудряшев. — Сходите на операцию, потом отсидите на гауптвахте трое суток за нарушение дисциплины. Ясно?

Все рассмеялись. Филиппов стоял ни жив, ни мертв.

— А винтовка есть? — смягчил тон Кудряшев.

— Есть, товарищ капитан. — Филиппов подхватил с койки автомат ППД и протянул командиру.

— Вот вояка! — повеселел Кудряшев. — Даже автомат раздобыл. Ай да начпрод! Надо пойти поглядеть, нет ли там у Егорова зайцев.

Капитан открыл дверь в следующую комнату и с порога крикнул:

— А ну, войско, сознавайся, кто тут зайцы?

Никто не откликнулся. Капитан покачал головой и ушел.

— Шары! — провозгласил Щербановский. — Орленок, можешь перевернуть ф-фотографию.

Я посмотрел, к кому это он обращается.

Краснофлотец, уткнувшийся лицом в подушку, перевернулся на спину и сел на постели, весело улыбаясь. Это был Гриденко.

— Ну, заяц, — сказал Щербановский, — г-говори спасибо Ивану Петровичу. Иван Щербановский, если захочет, целую роту спрячет. Иван Щербановский по всем морям плавал, на всех купцах, обошел весь мир, исключая Ал-лбанию и К-китай.

Никто уже не спал в комнате. Краснофлотцы, прибывшие вместе с Щербановским, с удовольствием слушали, как здорово «травит» их

Десантники-балтийцы прочесывают лес на острове, отбитом у немецких оккупантов.

бесстрашный командир, и гордо посматривали на всех остальных, еще не привыкших к бурному нраву Ивана Петровича. Гриденко сидел на койке и улыбался.

Я подошел к Алексею Гриденко.

— А палочка?

— Вот! — сказал Гриденко, потрясая карабином. — Отличная палочка!

И ушел вслед за всеми на берег.
